

**Журавлев А.Л.,
Юревич А.В.****ЛИБЕРАЛИЗМ И ЕГО
ПСЕВДОЛИБЕРАЛЬНАЯ «МУТАЦИЯ»
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Журавлев А. Л. — Директор Института психологии РАН, член-корр. РАН,
д. психол. н., e-mail: adm3@psychol.ras.ru

Юревич А.В. — Зам. директора Института психологии РАН, член-корр. РАН,
д. психол. н., e-mail: yurev@orc.ru

Аннотация: Авторы констатируют непопулярность либерализма в современной России. По их мнению, в этом повинен не истинный либерализм, а его псевдолиберальная «мутация». Рассматриваются основные различия между либералами и псевдолибералами. Эти различия видятся в понимании свободы, отношении к патриотизму и нравственности, основных идеологемах, стиле мышления, образе жизни, соотношении принципов и интересов и др. Авторы формулируют основные задачи в реабилитации и развитии либерализма в нашей стране, а также прогноз о том, что одной из главных арен идеологической борьбы в ближайшие годы станет противостояние истинного либерализма и псевдолиберализма.

Summary: The authors declare the unpopularity of liberalism in modern Russia. In their opinion it is due not to genuine liberalism, but to its pseudoliberal mutation. The main differences between liberals and pseudoliberalists are under analysis. The authors see these differences in the understanding of freedom, attitudes towards patriotism and morality, main ideologems, style of thinking, life modes, ratio between principles and interests, etc. The authors formulate the main tasks in rehabilitation and development of liberalism in our country, and the forecast that the main arena of ideological struggle in the forthcoming years will be the withstanding between genuine liberalism and pseudoliberalism.

Ключевые слова: либерализм, истинные либералы, псевдолибералы, либералогемы, компрадорский образ жизни, стиль мышления, принципы, интересы

Слово «либерал» — одно из тех слов, эмоциональный смысл которых претерпел в нашей стране наиболее радикальные изменения за годы реформ и теперь, наряду с такими терминами, как «демократ», «реформатор» и т.п. принадлежит к числу чуть ли не ругательных выражений. Трудно не согласиться с тем, что «В России либерализму, как социально-политической идеологии, не везло» [1, с. 11], добавив, что это «невезение» сохраняется и поныне.

Причины достаточно очевидны, многократно описаны в литературе — как научной, так и публицистической — и связаны главным образом с непопулярностью у основной части наших сограждан так называемых либеральных реформ и инициировавших их людей. Как отмечает С.В. Картунов, «Слово «либерал» стало гораздо более ругательным, чем в конце перестройке слово «коммуняка». И ответственность за это несут те политики, кто называл себя либералами в 1990-е годы, а на самом деле к либерализму не имел ровно никакого отношения» [2, с. 193]. Регулярно подчеркивается то обстоятельство, что сам либерализм в этом вряд ли повинен, в данной ситуации, как и в случае с марксизмом, проявилась характерная для нашей страны тенденция — переиначивать пришедшие к нам с Запада идеи до неузнаваемости и от их имени осуществлять преобразования, которые имеют к самим этим идеям весьма отдаленное отношение.

Либерализм всегда был достаточно многолик. «Либерализм не мог остаться в прежнем виде, а принял много новых видов; он разбился на партии и группы с очень разными стремлениями и идеями; единого либерального учения уже нет, — списал А.А. Богданов в 1904 г. [3, с. 6–9]. В издании Большой Советской Энциклопедии 1938 г. отмечалось, что «Одной из особенностей мировой либеральной идеологии состоит в том, что нет и никогда не было единой модели либерализма», — пишет С.В. Картунов [2, с. 254]. «За сто с лишним лет истории этого термина содержание, которое вкладывалось в него, постепенно расширялось» [4, с. 737]. Тот факт, что «Термин «либерализм» является скорее собирательным, чем точно определенным», отмечают и зарубежные исследователи [5, р. VII]. Они подчеркивают, что «Не было *одного либерализма*, но были *либерализмы*, не было *одного либерального эксперимента*, но были *либеральные эксперименты*» [6, р. 7], «Всякая попытка априорного перечисления либеральных идей приводит к приданию ложного порядка и точности подвижному, меняющемуся явлению» [7, р. 26]. А утверждение о том, что либерал — всякий, «кто считает себя таковым или кого называют так его современники» [6, р. 27], естественно, не делает это понятие более определенным и, более того, служит оправданием претензий современных российских псевдолибералов считаться либералами истинными. «Понятие либерализма столько раз меняло свое значение с момента своего первого употребления, что теоретически представляется бессмысленным», — отмечает В.А. Чаликова [8, с. 5], при этом, правда, добавляя, что «Определить либерала теоретически невозможно», но «практически невозможно его не узнать» [там же, с. 7].

Отмечается и то, что классический либерализм претерпел серьезные преобразования в направления, во-первых, социализации, отказа от изначального равнодушия к социальной сфере (поэтому, в частности, современный либерал вполне может быть борником социальной справедливости и выравнивания уровня доходов в обществе, например, через прогрессивную шкалу налогообложения), во-вторых, демократизации (первоначальный либерализм был довольно-таки анти-демократичен, что проявилось, например, в высказываниях Вольтера и Ж.-Ж. Руссо о роли «черни»), в-третьих, этатизации, признании важной роли государства, в-четвертых, национализации, отказа от изначального космополитизма¹, в-пятых, модернизации своих философских, социологических и этических оснований либерализма [1]. На этом фоне современный российский псевдолиберализм намного ближе к исходному, не откорректированному столкновению с реальностью либерализму, чем к его современному, развитому варианту.

Распространены и довольно *психологизированные* трактовки либерализма. «Либерализм, как и его сторонник социализм, это одновременно теория, доктрина, программа, практика. Это также (причем еще более фундаментальным образом, чем в случае с социализмом) некоторая позиция, т.е. предрасположенность ума, или перспектива, в которой рассматриваются проблемы, встающие перед индивидом в устройстве его общественной жизни», — пишет Г. Бурдо [9, р. 7]. Ему вторит С. Колм: «Либерализм — это не доктрина. Это скорее угол зрения, рационализированное или прикладное мироощущение, идейный и эмоциональный ландшафт, созвездие принципов и доводов разума» [10, р. 27]. По мнению Ф. Нэмо, «либерализм означает, главным образом, антитрадиционализм, неприятие любой данной интеллектуальной, моральной или политической нормы» [11, с. 264]. «Либерализм — это не просто некая доктрина или кредо, он представляет собой нечто неизмеримо большее, а именно тип и способ мышления» [1, с. 45], «Это система воззрений и концепций в отношении окружающего мира, тип сознания политико-идеологических ориентаций и установок, который не всегда ассоциируется с конкретными политическими партиями или политическим курсом» [там же, с. 45]. Поэтому, в частности, закономерно появление в отечественной психологической науке такой

¹ Отмечается, в частности, что «национализация» либерализма — одна из общих закономерностей при переходе от старого, классического, к новому, постнеклассическому либерализму» [1, с. 74], «Лидеры либеральных партий стали доказывать, что их либеральная партия — это национальная партия, партия национальной защиты, партия патриотизма» [там же, с. 74], «Либерализм по-разному окрашен в различных странах и по-разному защищается их национальными лидерами. Английский, американский, немецкий, французский, итальянский, испанский либерализм представляют его различные типы» [2, с. 254].

методологической позиции, как «методологический либерализм» [12]. Существует и точка зрения, согласно которой философию либерализма создали люди особого психологического склада, особо чувствительные к свободе, а первым либералом некоторые считают ... Прометея, «дерзнувшего вступить в борьбу с богами ради освобождения людей от их абсолютной власти» [1, с. 44].¹

Изменился до неузнаваемости и *образ* либералов в нашем общественном сознании. Несколько упрощая, можно сказать, что в советские времена этот образ ассоциировался с английским джентльменом с тросточкой (вспомним образ У. Гладстона в советских учебниках обществоведения), с основателями российского либерализма — М.М. Сперанским, Б.Н. Чичериным, П.Б. Струве, с отечественным интеллигентом (показательна органичность таких терминов, как «либеральная интеллигенция», в то время, как такие выражения, как, скажем, «либерально настроенный рыночный торговец», как и «либерал с большой дороги», звучат несколько странно) придерживавшимся прозападных настроений и критически относившимся к советской системе, и т.д.

В начале 1990-х образ либерала в российском массовом сознании радикально изменился, что было предопределено *основными источниками рекрутирования* новых либералов и тем, представители каких социальных слоев поспешили записаться в их ряды. В либералы хлынули бывшие партийные и комсомольские руководители,² пионеры новорусского бизнеса, прочно усвоившие его криминальные нравы, представители самого криминального мира, карьеристы различных мастей, использовавшие либеральные лозунги в корыстных целях, и другие подобные личности. И неудивительно, что в те годы можно было встретить понимание либерала как, скажем, человека, отбывшего срок в местах лишения свободы за экономические преступления, а то и просто побывавшего в этих местах.

Образ российского либерала, характерный для наших дней, тоже довольно своеобразен и преимущественно «срисован» с личностей, для которых характерны очень высокий уровень доходов (бедно живущий либерал выглядит в современной России как нон-

¹ Следует отметить, что подобная точка зрения подвергается критике. Например: если понимать под либерализмом не учение, а «некое мироощущение, идейный и эмоциональный ландшафт, созвездие принципов и доводов разума ... в таком случае состав «либерально чувствующих мир» окажется безбрежным, а соответственно история либерализма окажется просто невозможной. Было бы странно также руководствоваться тезисом о том, что либералом следует считать всякого, кто сам себя считает таковым или кого так называют современники» [там же, с. 60]. В таком случае тоже стирается грань между истинными либералами и теми, кого называют этим словом в современной России.

² Справедливо сделанное политологами наблюдение о том, что эти люди в советские годы долгое время настойчиво внушали себе и другим, что капитализм — «варварский», «грабительский» и т.п., и, придя в власти, именно такой капитализм у нас и построили, ибо другого попросту не знали.

сенс), сомнительные способы обретения богатства, довольно темное прошлое, часто и настоящее, дорогостоящая недвижимость за рубежом и обучающиеся там дети, солидные счета в иностранных банках, виллы, яхты, дорогие автомобили и, естественно, «либеральные» представления о том, что «каждый сам кузнец своего счастья», «человек стоит столько, сколько он зарабатывает», государство только мешает проявлению личных свобод и должно «уйти» из основных сфер экономической и социально-политической жизни, и т.д. Естественно, подобные атрибуты современных российских «либералов» вызывают изрядное раздражение основной части населения, что и побуждает его обозначать их куда менее уважительными словами.

Можно предположить, что дело здесь не в «совковости» (слово, в свою очередь, излюбленное нашими неолибералами) этого населения, не в его приверженности советским традициям и нетерпимости к богатству. Наверняка, и основатели российского либерализма — упомянутые выше М.М. Сперанский, Б.Н. Чичерин, П.Б. Струве — были бы сильно удавлены тем, кого причисляют к либералам в современной России, разделили бы такое же отношение к этим людям и оказались бы сильно удручены судьбой либерализма в нашей стране. Персонализируя вопрос, А.В. Кортунов пишет о том, что «Либерализм — это не Чубайс, Бурбулис, Авен, Явлинский. Хакамада и Гайдар. И уж совсем не Горбачев и Ельцин. Либерализм — это Ф. Вольтер и Д. Дидро, Ш. Монтескье, П.А. Гольбах и Б. Франклин, Дж. Гоббс и Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо и М. Вебер, Т. Грин и Ф. Рузвельт» [2, с. 193–194]. А.С. Ципко тоже подчеркивает, что т.н. «либерализм», утвердившийся в современной России, не имеет ничего общего с русскими национальными традициями либерализма, а нынешнее западничество — с его революционным прообразом [13].

В то же время можно утверждать, что и истинные либералы в современной России сохранились, хотя и не занимают в ней ключевых позиций, а либералы и псевдолибералы представляют собой совершенно разные как социальные, так и психологические типы. Различия между ними достаточно очевидны и тоже описаны в обильной научной и общественно-политической литературе, в которой вторая категория обозначается более политкорректно — как «псевдолибералы», «так называемые либералы», «неолибералы», а также «квазилибералы», «либералы с большой дороги», «паралибералы» [1], «протолибералы» [2] и т.п.

Ключевые различия

Прежде всего, истинные либералы и псевдолибералы кардинально различаются своим *пониманием свободы*, которую и те, и другие провозглашают одной из высших ценностей цивилизации: «Свобода в либерализме безусловна и самодостаточна: она не путь к счастью и совершенству, но ценность сама по себе» [1, с. 43]. Для истинных либералов свобода — это не упразднение социального контроля над человеком, а перевод его из внешней во внутриличностную форму, превращение контроля над ним, реализуемого внешними социальными инстанциями, в самоконтроль, хотя по-прежнему «Основной проблемой либерализма является вопрос об оптимальном соотношении личной свободы и общественных институтов» [там же, с. 44]. Из чего естественным образом следует, что отмена подобных инстанций возможна только при высоком уровне самоконтроля, а, значит, далеко не все народы и культуры готовы к их отмене, которая в условиях несформированности самоконтроля может привести к разрушительным для общества последствиям. Псевдо- же либералы убеждены в ненужности *любого* контроля над человеком, полагают, что свобода самоценна и хороша во всех случаях, понимают ее как полное отсутствие запретов и ограничений, и не считают с тем, что свобода означает высвобождение в человеке не только лучшего, но и худшего, «Тем самым активизируются разрушительные потенции, сокрытые в глубинах человеческой психики (вспомним фрейдовское Ид — А. Ю.). Возникает специфическая «неуправляемость», о которой все больше говорят в последние десятилетия, т.е. попросту говоря анархия. Свобода становится «даром данайцев» [2, с. 215]. Поэтому справедливо отмечается, что «главный враг истинного либерализма — не консервативная реставрация, не «коммунальность и даже не деспотизм. Его главный враг, как и у любых других цивилизованных проектов — варварство и хаос» [1, с. 57].

Трудно не согласиться и с тем, что «либерализм, занесенный «извне», из ограниченно контекста в контекст, где он объективно не нужен, часто вырождается в деструктивный индивидуализм, инспирируя общественный хаос» [там же, с. 58] а «если «либеральная подстраховка» социально неподготовлена, то социум может оказаться бессильным перед натиском «нового варварства» [там же, с. 58], что, по-видимому, и произошло в России в 1990-е гг., хотя контекст, где либерализм «объективно не нужен», требует, как минимум, уточнений. При этом «Искушение самочинной волей — важнейшая проблема, которую в полной мере учитывали класси-

ки европейской либеральной мысли» [там же, с. 58]. В результате «Задачей либерализма стала, таким образом, не декларация свободы «индивида вообще», а защита свободы личностей, достигшей определенного уровня развития и доказавших (на основе выдвинутых либерализмом критериев) свой цивилизованный статус» [там же, с. 58]. И здесь отчетливо проявилось одно из главных отличий подлинного, цивилизованного либерализма от современного отечественного псевдолиберализма, которого варварские проявления «самочинной воли» вполне устраивали.

Следует отметить, что псевдолиберальное понимание свободы пустило глубокие корни в современном российском обществе — как с легкой руки псевдолибералов, так и вследствие нашей неготовности к цивилизованному потреблению свободы и ряда анархических черт российского национального характера. «Если рассматриваться свободу в «негативном» смысле, как свободу от чего-либо, то она воспринимается просто как отсутствие внешних ограничений» [2, с. 216]. К тому же «свобода равно провозглашается для всех, но отсутствие в ней моральной доминанты приводит к тому, что каждый токует ее по-своему. Для одних это свобода переводить капиталы в страны с более низкими налогами и экспортировать в третий мир радиоактивные отходы, для других — свобода брить голову, красить чуб в зеленый или малиновый цвет ... Для наркомана либеральная свобода заключается в беспрепятственной возможности употреблять наркотики и умереть в муках» [там же, с. 218–219]. А опросы показывают, что весьма значительная часть наших сограждан понимают свободу как ... освобождение из мест лишения свободы [14]. Своим нынешним состоянием, некоторые показатели которого приведены в таблице, наше общество во многом обязано именно псевдолиберальному пониманию свободы, естественным образом ведущему к одичанию и «оскотииванию» значительной части населения.

Таблица. Некоторые показатели состояния современного российского общества, 2011 г.

Наименование показателя	Значение показателя	Место России по данному показателю
Смертность от убийств на 100000 жителей	11,7	1-е место в Европе и Центральной Азии
Смертность от самоубийств на 100000 жителей	21,8	3-е место в Европе и Центральной Азии после Литвы и Казахстана

Наименование показателя	Значение показателя	Место России по данному показателю
Смертность от случайных отравлений алкоголем на 100000 жителей	11,4	1-е место в Европе и Центральной Азии
Смертность от дорожно-транспортных происшествий на 100000 жителей	13,5	1-е место в Европе и Центральной Азии
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет)	69,83	Предпоследнее место в Европе (перед Украиной)
Число детей, оставшихся без попечительства родителей на 100000 жителей	61,88	4-е место в Восточной Европе и Центральной Азии после Эстонии и Латвии, Литвы и Молдовы
Количество разводов на 1000 жителей	4,7	1-е место в Европе и Центральной Азии
Число зарегистрированных преступлений, совершенных против детей и подростков на 100 000 жителей в возрасте 14–17 лет	241,1	7-е место в Восточной Европе и Центральной Азии
Индекс Джини (индекс концентрации доходов)	0,417	2-е место в Европе после Македонии
Индекс коррупции (от 0 до 100 баллов, чем выше балл, тем ниже уровень коррумпированности)	28	133 позиция в мире (наряду с Гондурасом, Гайаной, Ираном и Казахстаном) из 176 возможных

Источники: [15]; [16]; [17]

Важная характеристика псевдолибералов и их отличие от истинных либералов заключается в их *отношении к патриотизму*. Первые либо вообще очень агрессивно относятся к этому понятию (любимые ими выражения — «квасной патриотизм» и др.), либо трактуют его весьма странным образом, например, в том смысле, что все менять в нашей стране по западным образцам — это и есть патриотизм. И вполне закономерно, что в современной России патриоты рассматриваются как антипод либералов, сложилась дихотомия: «либерализм-патриотизм», а при общественном обсуждении любого острого социального вопроса, например, отношения к выходке «Пусси райот» или пропаганде гомосексуализма, противодействующие стороны поляризуются на эти две категории. Вместе с тем следует напомнить, что во времена закладывания оснований российского либерализма подобное противопоставление вообще не имело смысла, поскольку такие признанные россий-

ские либералы, как П. Милюков, Н. Бердяев, П. Струве, одновременно *были и горячими патриотами*, испытывали сакральное отношение к своей Родине, а, например, во время Первой мировой войны, были сторонниками ее ведения до победного конца [13].

Как отмечают зарубежные исследователи российского либерализма, такие как Д. Филд, все русские либералы были государственниками, твердо убежденными в том, что только государственная власть может служить оружием прогресса [18]. А антигосударственные установки нынешних российских псевдолибералов традиционному российскому либерализму глубоко чужды.

Таким образом, отсутствие патриотизма является не «родовым» признаком либералов, а лишь характеристикой их псевдолиберальной «мутации», которым свойственна и «пропаганда космополитизма, а также декларируемое как государственная цель стремление войти в «мировое сообщество» любой ценой и в качестве кого угодно» [2, с. 233]. Поэтому, скажем, А.С. Ципко характеризует современный российский псевдолиберализм как антинациональный и антирусский, рассматривающий традиционную российскую государственность, претензии на державность и русское национальное сознание как своих главных врагов [13]. Следует, правда, отметить то обстоятельство, что «После дефолта 1998 г., который не только гражданам России, но и всему миру продемонстрировал полное крушение российских «либеральных» реформ, наши либералы стали стремительно мимикрировать в «державников», «государственников», «националистов» и даже «империалистов». При этом они, вместо того, чтобы покаяться за совершенные ошибки и повалы, попытались бессовестно отмежеваться от либеральной (а на самом деле — псевдолиберальной) политики 1990-х годов, за которую они несли прямую ответственность перед страной и ее народом» [2, с. 240]. Подобная стратегическая «мимикрия» затрудняет идентификацию псевдолибералов в современной России, вынуждая осуществлять ее по комплексу критериев, а не, скажем, по их часто ложной самоидентификации.

Отношение псевдолибералов к патриотизму корреспондирует с их отношением к *нравственности*. Это слово тоже вызывает у многих из них идиосинразию, а призывы к ее восстановлению в нашей стране — очень агрессивную реакцию, которая вполне естественна на фоне их собственных нравственных качеств. Для них очень характерны утверждения о том, что нравственность «вредна» для экономики, что она препятствует свободному предпринимательству и развитию рыночных отношений, что «можно все, что не запрещено законом», а это, по существу, означает списывание морали в число

ненужных для общества предрассудков. Очевидное противоречие состоит здесь в том, что как убедительно показано в работах М. Вебера¹ [19] и его последователей, формирование капитализма в Западной Европе происходило под большим влиянием протестантской этики, а в деятельности современных корпораций нравственные принципы играют огромную роль. Показательно и то, что, заняв ключевые позиции в различных подструктурах нашего общества, они последовательно реализовывали там соответствующую установку. Например, в отечественную систему образования, на вершинах которой псевдолибералы закрепились в начале 1990-х гг., они внедрили представление о главной функции школы как об «оказании образовательных услуг» (фактически означая превращение учителя в некое подобие официанта), изъяв ее воспитательную функцию, в то время как со времен А.С. Макаренки единство обучения и воспитания считалось одним из краеугольных принципов этой системы. Закономерно и то, что любые попытки возрождения нравственных устоев встречают в современной России сопротивление на основе псевдолиберальной идеи о том, что «нравственность ущемляет свободу», несмотря на то, что истинная свобода, в том числе и в ее подлинно либеральном понимании, не только ни в коей мере не противоречит нравственности, но и предполагает ее, «свобода, не подкрепленная моральным законом (тем, который по И. Канту, находится внутри нас) обречена на деградацию, ибо превращается в произвол, моральный беспредел» [2, с. 196].

Вообще *основные идеологемы* (назовем их «либералогемами»), отстаиваемые современными российскими псевдолибералами и не без успеха внедряемые ими в наше массовое сознание, служат одним из главных признаков этой социальной группы. Среди них такие, как «запреты неэффективны», «любую проблему нельзя решать запретительными мерами», «ужесточение наказания не снижает количество преступлений» и т.п. Помимо всего прочего обращает на себя внимание абсурдный характер подобных утверждений, их противоречие как научным данным, так и всему опыту человечества. Так, например, не будет большим преувеличением сказать, что развитие цивилизации началось именно с запретов, половина из небезызвестных Десяти заповедей тоже представляют собой запреты, большинство законов выполняют в первую очередь запретительную функцию, и вообще в отсутствие запретительных мер жизнь человечества можно представить раз-

¹ С.В. Кортунов отмечает, что «важной составной частью классического либерализма в некоторых европейских странах первоначально была протестантская трудовая этика, описанная М. Вебером в его знаменитом труде «Протестантская этика и дух капитализма» [2, с. 203].

ве что как «войну всех против всех», образ которой вдохновил немало социально-философских и публицистических произведений. Показательно и то, что в результате ужесточения наказаний за нарушение правил дорожного движения количество погибших в ДТП (которых в России ежегодно гибло больше, чем составляют потери СССР за все годы Афганской войны) сократилось в нашей стране почти в полтора раза. Однако подобные факты псевдолибералы предпочитают не замечать — как и вообще противоречие своих «либералогем» реальности.

Подобное *отношение к реальности*, равно как и к тем базовым идеям и концепциям, которые они выносят на свои знамена, можно считать одним из главных атрибутов псевдолибералов. Их мышление разделяет все основные признаки советского идеологического мышления (вспомним, что многие из них рекрутировались из советских партийных и комсомольских руководителей, в одночасье сменивших свои идеологические «убеждения»), которое, будучи «неонтологическим», с реальностью обращалось весьма произвольно. В частности, для него было характерно очень произвольное, «творческое» обращение с заимствованными на Западе идеями и концепциями, а также с самим образом этого Запада. Не считаясь с тем, что т.н. «Запад» весьма многолик, представляет собой пестрый конгломерат различных народов, культур и социальных практик, отечественные псевдолибералы, провозглашая «западные образцы» как единственно правильный ориентир развития человечества, во-первых, создают искусственно унифицированный образ Запада, во-вторых, доносят до нашего массового сознания сильно искаженный образ того, что в действительности происходит в западных странах.

Скажем, такая мера противодействия коррупции, как конфискация имущества коррупционеров и их родственников, выдается ими за «нецивилизованную» и противоречащую западному опыту несмотря на то, что она применяется в большинстве западных стран, а международные антикоррупционные организации, в которые наша страна вступила, настойчиво рекомендует нам ее внедрение.

Другой пример — навязывание нашему научному сообществу органами управления отечественной науки, где псевдолибералы тоже занимают видные позиции, наукометрических критериев оценки научной продуктивности (цитат-индекса, импакт-фактора и индекса Хирша) на том основании, что они, якобы, повсеместно применяются в западных странах. В действительности это далеко не так [См. 20], и вообще для отечественных псевдолибералов очень характерно внедрение в нашей стране «от имени Запада»

социальных практик, которые сам Запад либо никогда не применял, либо некогда применял, но в настоящее время от них отказывается. В подобных случаях проявляется и их элементарная безграмотность, и очень смутные представления о мировой цивилизации, и довольно-таки мошеннический способ обращения с «западным опытом», за который ими часто выдается то, что к Западу никакого отношения не имеет, но зато соответствует их собственным личным и групповым интересам. Не имеют подобные стратегии отношения и к истинным либералам, которые видят на Западе только то, что там действительно есть.

Образ жизни псевдолибералов тоже можно отнести к их важным особенностям. Т. н. «компродорская элита», представители которой хранят свои сбережения в зарубежных банках, регистрируют свой бизнес в офшорах, посылают своих детей для обучения за рубеж и не очень хотят, чтобы те возвращались, соответственно «под прикрытием» либеральных идей оправдывают соответствующий образ жизни и всячески противятся принятию препятствующих ему законов, стали своего рода визитной карточкой наших псевдолибералов. И естественно, что негативное отношение к такому образу жизни основной части населения, идущего вразрез с интересами нашей страны и возможностями ее процветания, проецируется на те, якобы либеральные, идеи, от имени которых он получает оправдание. Вместе с тем, существует значительная часть наших сограждан, прежде всего интеллигенции, которая получает мизерные зарплаты, ведет совершенно иной образ жизни, но при этом придерживается вполне либеральных воззрений. И именно эта социальная группа образует основную социальную базу истинного либерализма в современной России. Существует немало представителей и других слоев нашего общества, которые считают либеральную идею свободы одной из главных ценностей современной цивилизации, но при этом понимают необходимость ее разумных ограничений и соблюдают их в своем поведении.

Наверное, хотя это может вызвать справедливые возражения, к числу специфических характеристик наших псевдолибералов стоит отнести и их *внешний вид*. И дело даже не в том, что скромно одетого, не носящего дорогих часов и т.п. псевдолиберала в современной России трудно себе представить, а в той *внушающей доверие* внешности, которая, как показывают исследования, является одним из главных качеств, например, успешных западных политиков (как показывают эти исследования, за политиков, не внушающих доверия, западный электорат не голосует [21]). Те люди, которых принято считать либералами в нынешней России,

как правило, не внушают доверие основной части населения, что находит выражение в электоральной непопулярности право-либеральных партий в последнее время. А один наш известный политик, сыгравший видную роль в развале всех псевдолиберальных организаций, которые он возглавлял, явно содействовал их непопулярности уже одним своим внешним видом.

Следует упомянуть и *недемократичность* наших псевдолибералов как их важную черту. Несмотря на то, что они активно использовали в своих личных и групповых интересах не только идеи либерализма, но и наиболее броские лозунги демократии, ее ключевые принципы находятся в очевидном противоречии с их собственным поведением и высказываниями. Например, А. Чубайс известен своими заявлениями о том, что, пока начала рыночной экономики не утвердились в России, основная часть ее населения, будучи не-рыночно настроенной, должна быть отчуждена от влияния на государственную политику. Основные реформы нашего общества в 1990-е гг. тоже осуществлялись далеко не демократическим путем, а их противоречие интересам подавляющего большинства населения мало заботило реформаторов, что привело к известным событиям 1993 г. Более поздние реформы тоже не были демократичными, а, скажем, «реформа» РАН носила характер «блицкрига» — дабы реформируемые не успели опомниться. Симптоматичны также запреты на проведение референдумов, которые являются одной из главных форм демократии.

Справедливости ради следует отметить, что либерализм и демократия, несмотря на их частое отождествление в нашем массовом сознании, всегда находились в непростых отношениях. Как писал М. Фридман, «Если понимать под демократией правление всего народа, выражающего свою суверенную волю голосованием, то либералы почти до середины XIX века не были демократами» [Цит. по: 1, с. 67]. А.В. Картунов отмечает, что «Либералы почти всегда были готовы пожертвовать требованием политической свободы ради сохранения свободы экономической» [2, с. 207]. Одному из основоположников экономического либерализма А. Тюрго приписывают такой лозунг: «Дайте мне пять лет деспотизма и Франция будет свободна» [1], изрядно напоминающий высказывания А. Чубайса.

Вместе с тем, как отмечалось выше, впоследствии либерализм эволюционировал в направлении демократии, и трудно представить себе современного либерала, отстаивающего «либерализм для избранных» и отрицающего базовые демократические ценности. Показательно и то, как английские либералы утверждали уже в XIX в., народное счастье важнее, чем народное богатство, если

последнее распределяется неравномерно (идея, очень созвучная современной позитивной психологии), лучше сто человек будет жить безбедно, чем один роскошно, высокая заработная плата гораздо важнее, чем прибыль и т.п. [1]. Те люди, которых в современной России можно отнести к истинным либералом, *одновременно придерживаются и демократических ценностей*, а «либерализм», от которого выигрывает лишь незначительная часть населения — та самая, которая хранит капиталы за рубежом и регистрирует свой бизнес в офшорах, считают недемократическим и вообще «антинародным».

Для истинных либералов характерно «предпочтение методов эволюционно-реформистских преобразований общественных структур методам радикальным, взрывным, революционным. Либерализм относится к революции как к акции, которая, разрушая элементы старого строя, не затрагивает при этом самой сущности любой государственной власти, т.е. силы в чистом виде» [22, с. 125].

Таким отношением либералов к революции и революционерам во многом объясняется отношение революционеров к либералам. В.И. Ленин считал их «злейшими врагами рабочего класса», «воинствующими врагами Советского государства», гневно писал о «банкротстве либерализма» его «буржуазном» характере и т.п., а И.В. Сталин с удовлетворением утверждал, что «Теперь от либерализма не осталось и следа» [23, с. 11]. Оба наших вождя выразили подобное отношение к либерализму не только словами, но и делами. Изрядно доставалось либерализму и в работах позднесоветских идеологов, а также в советских учебниках того времени.

Что же касается наших нынешних либерал-реформаторов, то им в гораздо большей степени свойственна *психология революционеров*, действия в соответствии с принципом: «разрушим до основания, а затем», о чем свидетельствуют реформы как начала 1990-х гг., так и более поздние, например, «реформирование» РАН посредством ее ликвидации. Для них характерна *реформомания*, которую есть основания считать одной из социальных болезней. Реформы для них — самоцель вне зависимости от своих результатов, постоянные реформы воспринимаются ими как нормальное состояние общества, а их отсутствие — как «застой» и отсутствие развития.

Таких либералов-реформаторов было бы точнее назвать «либералами-терминаторами», а их стиль реформаторской деятельности, камня на камне не оставляющей от реформируемых структур, предполагает соответствующее отношение к этим структурами и людям, которые в них работают, а в случае реформирования Рос-

сии — к ее гражданам в целом, отношение, лишенное не только какого-либо уважения, но и вообще естественных человеческих чувств — сострадания и т.п. И симптоматичны высказывания некоторых наших псевдолибералов о том, что рыночная экономика по-настоящему утвердится в России лишь тогда, когда вымрет старшее, «не-рыночное» поколение.

Подобный стиль «реформаторства» имеет мало общего с истинным либерализмом, гораздо ближе к революционному стилю большевиков, и вполне закономерны характеристики современных российских либерал-реформаторов как небольшевиков — по своему менталитету, образу мышления и действий. Так, например, «Марксисты вывели своей учение о равенстве за рамки стыда, совести, греха. Нынешние либералы отделили понятие свободы от совести, стыда, личной вины и ответственности ... Тем самым они компрометируют либерализм и во всемирно-историческом плане, как «когда-то большевики скомпрометировали социализм, радикализируя его до абсурда» [2, с. 236–237].

В подобную аналогию органично вписывается и марксистский стиль мышления псевдолибералов, характерный для их мышления «экономический детерминизм», убежденность в том, что все происходящее в обществе всецело предопределено его экономикой, уничижительное отношение к т.н. «социалке» (показательно само звучание этого термина), производное от марксистского деления общества на экономический базис и в общем-то второстепенную социальную надстройку. «Здесь отечественный либерализм за основу взял другой известный марксистский принцип — экономический детерминизм, т.е. линейную каузальную связь экономических и политических изменений, что сделало экономику абсолютным приоритетом государственной деятельности», — пишет С. В. [2, с. 239]. Так, например, Е. Гайдар, формально отвергнувший марксизм, но сохранивший основные свойства марксистского мышления,¹ в своей книге объясняет распад СССР чисто экономической причиной — тем, что мировые цены на нефть упали, и бюджет страны сильно оскудел [24]. При этом вне сферы его внимания остаются как многочисленные социально-политические факторы распада страны, так и те очевидные обстоятельства, что она сохраняла свою целостность и в более голодные времена, а в позднесоветское время, в условиях падения мировых цен на нефть, никто из ее граждан не умер от голода. Впрочем, в подобных объяснениях проявляется не только свойственный мышлению наших либерал-

¹ В данной связи уместно характеризовать марксизм не только как «догму» или «руководство к действию», но и как стиль мышления, точнее, вид его патологии.

реформаторов «экономический детерминизм», но и «защитный» характер выдвигаемых ими идеологием, стремление оправдать совершенное ими, в том числе и разрушение страны, некими «объективными» обстоятельствами. Вспомним и то, что в пору нахождения псевдолибералов у власти ориентиры нашей государственной политики носили почти исключительно экономический характер — объем ВВП, курс рубля и т.п., а, скажем тот факт, что население нашей страны физически вымирало, их мало беспокоил.

С этим связано и еще одно кардинальное различие либералов и их псевдолиберальной «мутации», корнящееся в характерных для них системах ценностей. У истинных либералов в разделяемых ими ценностях воплощены *принципы*, у псевдолибералов — их личные и групповые *интересы*, чем во многом и объясняется как массовое обращение социальных слоев, порожденных нашей сильно криминализированной рыночной экономикой, к либеральным идеологиям, так и искажение этих идеологием в целях оправдания такой экономики. Достаточно очевидно то, что основные псевдолиберальные идеологии «сработаны» под интересы нашей компрадорской элиты и соответствующего, описанного выше, образа жизни псевдолибералов. Очевиден и «оправдательный» характер псевдолиберальной идеологии в целом, формирование которой осуществлялось в соответствии с механизмом «вложенных интересов», хорошо известным в политической психологии [21].

Перспективы российского либерализма

Таким образом, наши нынешние псевдолибералы отличаются от истинных либералов большим количеством признаков, включающих социальные слои, из которых они вышли, понимание свободы, отношение к патриотизму и нравственности, основные идеологии, стиль мышления и его отношение к реальности, образ жизни, демократичность, стиль реформаторской деятельности, соотношение принципов и интересов и даже внешний вид.

Из описанных различий либералов и псевдолибералов вытекают основные *задачи* в развитии российского либерализма и преодолении его отмеченного в начале статьи «невезения».

Во-первых, четкое различие истинного либерализма и его современной российской «мутации», внедрение этого различия в массовое сознание и, соответственно, формирование адекватного отношения к подлинному либерализму и истинным либералам.

Во-вторых, очищение либерализма от искажений, которые внесены в него современными российскими псевдолибералами.

В-третьих, формирование и социальное оформление либеральной альтернативы псевдолиберализму, которому в современной России противостоит не подлинный либерализм, а национализм в его различных видах, при этом псевдолиберализм неоправданно узурпирует ценностно-смысловое пространство либерализма и его исторические достижения.

В-четвертых, описанная выше «национализация» либерализма, придание ему патриотического характера, что, как и в начале прошлого столетия, сделало бы нелепым противопоставление либерализма и патриотизма.

В-пятых, идеологическое оформление, а также внедрение в нашу общественно-политическую жизнь оптимального для современной России соотношения свобод и их необходимых ограничений, «примирение» ценностей свободы и государственности.

В-шестых, внедрение в массовое сознание и закрепление в нем адекватного понимания свободы как неизбежно предполагающего его внутренние, интериоризованные личностью ограничения.

В-седьмых, внедрение в это сознание правильного понимание других либеральных идей, вытеснение ими псевдолиберальных идеологем.

Представляется, что на этом пути возможно возрождение в России истинного либерализма как идеологии и как массовой психологии, использование заложенных в нем позитивных импульсов на благо развития нашего общества, придания обретенной нами свободы подлинно цивилизованного характера. А радикальный псевдолиберализм, в силу его крайне разрушительного влияния на наше общество, возможно, следует приравнять, в том числе и на юридическом уровне, к одному из видов экстримизма.

Представляется также, что одной из главных арен идеологической борьбы в нашей стране в ближайшие годы станет противостояние истинного и псевдолиберализма, в которой должны принять активное участие не только профессиональные производители идеологем — идеологии, политики и т.п., но и представители конкретных наук, в том числе и психологи, стремящиеся к повышению «социальной релевантности» [25; 26] своей науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Либерализм в России. М.: ИФРАН, 1996.
2. Кортунов С.В. Национальная идентичность: постижение смысла. М.: Аспект Пресс, 2009.

3. Богданов А.А. Либералы и социалисты. Женева: РСДРП, 1904.
4. БСЭ. Изд. 1. Т. 36. М.: «Сов. энциклопедия», 1938.
5. Fischer G. Russian liberalism. Cambridge: Harvard University Press, 1958.
6. Branciard M. Les liberalismes d'hier a aujourd'hui. Lyon: Chronique sociale,, 1987.
7. Freedon M. The new liberalism: An ideology of social reform. Oxford: Clarendon Press, 1978.
8. Чаликова В.А. Предисловие к изд. «Социально философские аспекты современного либерализма». М.: ИНИОН, 1986.
9. Burdeau G. Le liberalism. P. Editions du Seuil, 1979. 23. Kolm S.-Ch. Le liberalism modern. Analyse d'une raison economique. P. Presses universitaires de France, 1984.
10. Kolm S.-Ch. Le liberalism modern. Analyse d'une raison economique. P. Presses universitaires de France, 1984.
11. Нэмо Ф. Либерализм // 50/50. Опыт словаря нового мышления. М. Прогресс — Паё, 1989.
12. Юревич А.В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. №5. С. 3–18.
13. Ципко А.С. Размышления и природе и причинах краха постсоветского либерализма // Вестник аналитиков. 2004. №3 (17). С. 4–24.
14. Кудрявцев И.А. Нравственная сфера сознания ограниченно вменяемых правонарушителей. Часть II // Психологический журнал. 2007. №3. С. 76–95.
15. Российский статистический ежегодник. 2012. — М.: Росстат, 2012.
16. TransMonEE 2012 Database 2012. UNICEF Regional Office for CEE/CIS, 2012. <http://www.transmonee.org/#>
17. Transparency International Corruption perceptions Index 2012. <http://www.transparency.org/cpi2012/results>
18. Field D. Kavelin and Russian liberalism // The Slavic review. 1973. Vol. 32. №1.
19. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 13. Чаликова В.А. Предисловие к изд. «Социально философские аспекты современного либерализма». М.: ИНИОН, 1986.
20. Юревич А.В., Цапенко И.П. Еще раз об оценке мирового вклада российской науки // Наука. Инновации. Образование. Вып. 13. М.: Языки славянской литературы. 2013. С. 60–83.
21. Political psychology. Hermann, M. (Ed.) San Francisco: Jossey-Bass, 1986.
22. Новикова Л., Сиземская И. Идейные истоки русского либерализма // Общественные науки и современность. 1993. №3. С. 124–135.
23. Сталин И.В. Речь на XIX съезде партии // Сталин И.В. Сочинения. Том 16. М.: Госполитиздат, 1952.
24. Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. 17. Юревич А.В. Социальная релевантность и социальная ниша психологии // Психологический журнал. 2006. №4. С. 5–14.
25. Юревич А.В. Социальная релевантность и социальная ниша психологии // Психологический журнал. 2006. №4. С. 5–14.
26. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В., Юревич А.В. Перспективы психологии в решении задач российского общества. Часть III. На пути к технологиям согласования социальных институтов и менталитета // Психологический журнал. 2013. Т. 34. №6. С. 5–25.